

Дружественно к все народ, трудящийся.
КРАСНАЯ НИВА

— АНТИФАШИСТСКО-АУДИЕНТНЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ —
— РЕДАКЦИЯ А. В. АУНАМАРЕНКО — Ю. М. СТЕЛОВА

№ 10

Москва, 5-ое марта 1935 г.

№ 10

Портрет Институтского Кухарки

Все права на издание принадлежат издательству «Красная Нива»

НАСТОЯЩИЙ ШЕРЛОК ХОЛМС.

(Из записок Конан-Дойля).

В то время, когда я изучал медицину в Эдинбурге, университет этого города имел в числе своих профессоров весьма замечательных людей. Но из всех лиц, с которыми я имел случай познакомиться, самым интересным был Иосиф Белл, хирург Эдинбургской больницы. Белл внушал уважение и своей наружностью, и своими нравственными качествами. Высокий, тонкий и нервный, с крупными, резкими чертами лица, с серыми, пронизывающими глазами, с угловатыми плечами, он говорил громко и резко. Он — ловкий хирург. Он не только отличался умением поставить диагноз, но и определить профессию и характер. Не знаю, почему он меня выделил из числа студентов, посещавших его аудиторию. Я ему помогал принимать приходящих больных, т.-е. я устанавливал их в очередь, записывал их и вводил одного за другим в комнату, где находился профессор, окруженный своими слушателями и учениками. Я смог вволю изучить его методы и убедиться, что часто ему один беглый взгляд говорил больше о больном, чем мне все мои вопросы. Правда, он иногда ошибался, но в большинстве случаев достигал поразительных результатов. Я приведу характерный пример.

— Старый солдат, правда?— сказал он однажды одному из своих пациентов.

— Да, сударь.

— Освобожденный недавно?

— Да.

— Из полка шотландцев?

— Да.

— Унтер-офицер?

— Да.

— В лагере в Барбадах?

— Да, сударь.

Позднее он нам пояснил:

— Господа, этот человек не хотел быть непочтительным, однако он не снял шляпу, ведь в армии не принято снимать шляпы, это — гражданский обычай, которому он подчинился бы только, если бы был давно освобожден. У него властный вид и он, несомненно, шотландец. На мысль о Барбадах меня навела его болезнь, которая является болезнью Восточной Индии, а не Англии.

То, что показалось сначала таким чудесным, всем этим Ватсонам, составлявшим его аудиторию, теперь делалось совершенно простым. Неудивительно, что, видя вблизи такого человека, я постарался воспользоваться его системой, немного расширить ее, чтобы создать научный детективный роман, герой которого разрешал бы вопро-

сы собственными средствами, а не благодаря ошибкам преступника.

Белл, впрочем, отнесся с большим интересом к моим рассказам, он даже навел меня на многие мысли.

Рождение Шерлока Холмса и Ватсона.

Я был уже около года женат, когда я убедился, что смогу всю жизнь писать новеллы и несколько не подвинусь вперед в своей писательской карьере. Я чувствовал, что я уже созрел для более серьезной и крупной работы. Габарио привлекал меня своей четкостью в построении драмы, и г. Дюпен был любимым героем моего детства.

Сумею ли я к творениям этих двух людей присоединить мое? Я думал о моем бывшем профессоре, Белле, о его орлином лице, о его странных приемах, о его фантастической манере углубляться в подробности. Будь он сыщиком, он бы, конечно, постарался превратить в точную науку заманчивый метод, который был у него чисто инстинктивным. Я хотел достигнуть этого. То, что возможно в жизни, почему не сделать это вероятным в вымысле. Очень хорошо приписывать человеку всевозможные умственные качества, но читателю нужны примеры. Мысль показалась мне интересной, но как назвать моего героя? Меня отталкивало это примитивное искусство, которое делает из имени символ морального облика и создает г. Лематуа и г. Лефюрэ. Тогда в моем мозгу родилось имя и образ Холмса, который стал Шерлоком Холмсом. Не имея возможности рассказывать о своих собственных похождениях, он должен был иметь товарища, достаточно обыкновенного, чтобы выделять фигуру Холмса, развитого, деятельного, способного принимать участие в приключениях и рассказывать о них. Этому человеку, спокойному и незаметному, надо было соответствующее имя: лучше всего подходило имя Ватсон. Оба мои героя были готовы. Я написал «Странное преступление».

Так как эта книга имела некоторый успех в Америке, меня известили, что Стодарт, агент дома Липинкот, находясь в Лондоне, хочет меня видеть и поговорить со мною об одной книге. Я, конечно, не отказался от свидания с ним.

Стодарт произвел на меня впечатление прекрасного человека. У него обедали еще другие приглашенные им: Гилль, очень остроумный ирландец, член парламента, и Оскар Уайльд, уже известный чемпион эстетизма. Я провел очаровательный вечер. К моему удивлению, Уайльд читал мой исторический роман «Мика Кларц», о

котором он говорил с большим энтузиазмом, так что я не чувствовал себя совсем чужим с ним. Разговор с ним оставил во мне неизгладимое впечатление. Стоя несравненно выше нас, он, казалось, интересовался всем, что мы говорили. Результатом обеда было то, что Уайльд и я, мы согласились писать, каждый со своей стороны, книгу для *Lipincott's Magazine*. Уайльд поместил там «Портрет Дориана Грея». Я же написал «Знак четырех», где Шерлок Холмс появлялся во второй раз.

Шерлок мертвый и воскресший.

В эту эпоху начало появляться большое количество книг, среди которых надо отметить «Странд», издававшийся, как и теперь, Гриниром Смитт. Перелистывая эти разрозненные сборники, я решил, что один и тот же герой, проводимый в целой серии фельетонов, если в начале и привлекает внимание читателя, впоследствии может тяготить его. По зрелым обсуждениям, я пришел к выводу, что самое разумное — это создать героя, которого можно снова встретить в каждом фельетоне и который заполнял бы фельетон. Кажется, я первый дошел до этой мысли. А «Странд» первый осуществил ее. Я работал много. Мои романы пользовались редким успехом. Читатель требовал от меня истории о Шерлоке Холмсе, и я старался изредка ему их поставлять. Когда я их написал две серии, я почувствовал, что я рискую подвергнуться принуждению: я боялся, что вскоре в моем творчестве будет выступать только то, чему я придавал меньше всего значения. Чтобы проявить свою волю, я решил покончить со своим героем. Как раз в то время, путешествуя с женой в Швейцарии, я любовался Рейхенбахским водопадом. Мне показалось, что это ужасное место будет подходящей могилой для моего бедного Шерлока, даже если с ним вместе мне пришлось бы похоронить мой кредит в банке. Я отправил его в водопад. Это событие вызвало большое волнение.

Говорят, что человека ценят только после его смерти: судя по тем протестам, которые сопровождали смерть Шерлока, я узнал, как многочисленны были его друзья. «Зверь», — писала мне одна дама в письме, полном упреков, где, я думаю, она говорила не только за себя. Меня уверяли, что многие мои читатели плакали; все это, я думаю, меня бы не тронуло; если бы я был рад, то только потому, что представлялся случай дать волю своему воображению, так как соблазн больших премий был чересчур велик, чтобы я легко мог забыть Шерлока Холмса.

Доказательством, что, по мнению многих, Шерлок Холмс был не только мифом, может служить то, что ко мне приходило очень много писем на его имя. Ватсон также получал письма с просьбой указать адрес и доставить автограф его знаменитого коллеги. Когда Холмс ушел в отставку, несколько пожилых дам предложили вести его хозяйство. Одна из них, желая добиться его благосклонности, уверяет, что умеет ходить за пчелами. Мне предлагали для Холмса большие суммы денег на случай, если он согласится разрешить некоторые семейные тайны.

Обладает ли автор качествами своего героя?

Я часто себя спрашивал, имею ли я те свойства, которыми наградила Холмса, или же я только Ватсон, ко-

торый смотрит и наблюдает. Разумеется, я знаю, что решать какую-нибудь положительную проблему — это совсем не то же самое, что разрешать ее по своим личным данным. На этот счет у меня нет иллюзий. Но, с другой стороны, трудно из глубины самого себя извлечь целый характер, развить его. дать ему жизнь, если не имеешь в самом себе некоторых задатков этого характера. Это опасное признание для человека, который создавал так много всяких проходимцев. В моей поэме «Внутренняя комната», описывая нашу многоличность, я говорю о тех образах «едва различных, строгих или веселых, диких или святых, которые возникают в нас и замирают». Почему же не может возникнуть образ неустрашимого сыщика? Но для того, чтобы эта фигура могла воплотиться в реальную жизнь, мне нужно забыть все остальное и сделать так, чтобы в моем уме она одна имела место, — тогда я могу достигнуть результатов. Так, благодаря методам Холмса, я разрешил несколько проблем, которые поставили полицию в тупик. Некоторые рассказы обладают даром поднимать такие вопросы, которые периодически возвращаются ко мне с разных сторон земного шара. В одном рассказе «L'École du Prieuré» Холмс делает одно из беглых замечаний, которое для него так типично: он уверяет, что, глядя на след от велосипеда на болотистой почве, можно сказать, в каком направлении передвигался велосипед. Мне не верили, и тогда пришлось прибегнуть к доказательству на своем велосипеде. Мне казалось, что по расположению следов переднего и заднего колес при неровной езде можно определить направление. Оказалось, что я неправ, а мои корреспонденты правы, так как следы были одинаковы при всяком направлении. По правде говоря, на неровной болотистой почве колеса оставляют более глубокий след на подеме, более поверхностный при спуске, и этим оправдывалось замечание Холмса.

Мне много пришлось рисковать, когда я легкомысленно выступал на известной мне почве. Так, придавая мало значения лошадиным скачкам, я все же написал «Сильвер Блас», где вся тайна скрыта в законах увеличения и быстрой езде. Рассказ был очень хорош. Холмс выступает там во всем блеске. Но мое невежество выступает не менее ярко. Я прочел в одном спортивном журнале великолепную и весьма строгую критику на мой рассказ. Автор, зная, о чем он писал, высказывал, каким бедам подверглись бы мои герои, если бы действовали так, как я это рассказывал: большая часть из них попала бы в тюрьму, остальные были бы навсегда изгнаны с ипподрома.

Шерлок Холмс — театральный герой.

Может быть, впечатление, что Холмс создан из мяса и костей, поддерживалось в публике частыми его появлениями на эстраде. Когда я снял свою пьесу «Родней Стон» со сцены одного театра, арендованного мною на шесть месяцев, я придумал смелый план, так как пустующий театр — это разорение; я заперся у себя и посвятил себя всецело «сенсационной» драме о Шерлоке Холмсе. Я написал ее в течение недели и назвал ее «Пятнистая Банда», по заглавию той новеллы, из которой я добыл материал. И я не преувеличиваю, говоря, что, спустя две недели, я поставил новую пьесу. Успех был огромный. И я обладал произведением, за которым должна была сохраниться продолжительная известность. Она прошла в репертуар. Ее продолжают ставить. Меня воз-

мутила статья того критика, который утверждал, что змея «видимо механическая». Я не знаю, что помешало мне предложить ему хорошую сумму денег, чтоб он взял ее себе в постель. Мы часто меняли змей во время представления, но ни у одной не было врожденных артистических способностей: все были склонны или повиснуть, как веревка, или спрятаться за полотно, или накинуться на машиниста, который щипал их за хвост, чтобы немного оживить. Наконец мы стали употреблять искусственных змей, что оказалось приятней для всех, особенно для машиниста.

Эта пьеса о Шерлоке Холмсе была вторая, и мне следовало упомянуть о первой, написанной за много лет до этого во время Южно-Африканской войны. В ней участвовал Вильям Жилетт, великий известный американский комик, который сыграл ее чудесно. Разумеется, что, заимствовав моих героев и до некоторой степени мои идеи, Жилетт заинтересовал меня в предприятии, которое оказалось успешным. «Могу я женить Холмса?»— спросил он меня однажды.— «Вы можете его женить, убить, делать с ним все, что хотите»,— ответил я ему с сердечностью. Я был очарован пьесой, ее постановкой и ее материальными результатами. Всякий, имеющий хоть каплю артистической крови в жилах, согласился бы, что это соображение, хотя и очень приятное в свое время, является все же самым последним.

Пока я говорю на эту тему, должен упомянуть, что ни одно из представлений, ни один из портретов Холмса не совпадают с первоначальным образом, который я создал в своем воображении. Мне он представлялся очень высоким, но «такой худой, что он казался еще выше», писал я в «Странном преступлении». У него должно было быть резкое узкое лицо, большой острый нос и маленькие, близко сидящие глаза. Артист Сидней Пиаст, который изображал Холмса, умер. У него был брат Вальтер, который служил ему моделью. Красота Вальтера заменила более энергичную резкость некрасивого Шерлока, и это, пожалуй, обрадовало моих читателей. Театр подчинился только типу, созданному иллюстратором.

ПЕРЕВОД М. С.